

Микаэль
Брюн-Арно

Записки
из
ЗЕЛЁНОГО БОРА

Таинственные дневники

Лиса
Корнелия

Иллюстрации
САНОЭ

«МАЛЫШ»

Любимые истории для детей

Микаэль Брюн-Арно

**Записки из Зелёного
Бора. Таинственные
дневники Лиса Корнелия**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.133.1-93
ББК 84(4Фра)-44

Брюн-Арно М.

Записки из Зелёного Бора. Таинственные дневники Лиса Корнелия
/ М. Брюн-Арно — «Издательство АСТ», 2022 — (Любимые
истории для детей)

ISBN 978-5-17-155755-3

Все в Зелёном Бору знают, что написавшие книгу звери могут оставить её в книжном магазине ЛИСА АРЧИБАЛЬДА... Но однажды, прямо накануне осеннего праздника, в лесу появляется таинственный незнакомец, Волк Селестен, который с бумагами в лапах утверждает, что семейство Лис не является законными владельцами магазина и он безраздельно принадлежит ему. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.133.1-93
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-155755-3

© Брюн-Арно М., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	7
Взяться за перо	11
Господин Волк	16
Долг, дорогая моя, долг!	22
Тетрадь № 1	28
Возвращение домой	33
Братство мастеров пера	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Микаэль Брюн-Арно
Записки из Зелёного Бора.
Таинственные дневники Лиса Корнелия

Виктору, чьё имя ни в коем случае нельзя сокращать.

Mémoires de la forêt.

Les carnets de Cornélius Renard.
Text by Mickaël Brun-Arnaud.
Illustrations by Sanoe.

© 2023, l'école des loisirs, Paris.
© Богатыренко Е., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

С незапамятных времён в чаще леса, окружающего городок Зелёный Бор, и среди окрестных холмов живут звери, наделённые разумом, даром речи и чувством юмора. Они носят одежду, шитью собственными лапками, и готовят сладости, от которых у вас потекут слюнки! Лисы, птицы, мыши, кроты и куницы работают или развлекаются, создают семьи по зову крови или по велению сердца. А ещё – пишут добрые истории о своей жизни.

В нашем сборнике воспоминаний вы прочтёте про невероятные судьбы крохотных лесных зверюшек, которые обожают приключения и объединены могучими чувствами любви и дружбы. Конечно, нет ничего прекраснее новых совместных воспоминаний, но ведь ещё приятнее суметь записать их и поделиться ими с теми, кого любишь. Давайте же покрепче возьмёмся за лапки, дорогие читатели! Как вам повезло! Вам уже никогда не забыть тех зверей, с которыми вы сейчас познакомитесь, и те приключения, которые вам предстоит пережить вместе с ними на страницах этой книги.

Пролог Секрет Лиса Корнелия

Это случилось двадцать лет тому назад, прохладной сентябрьской ночью в Зелёном Бору...

Свернувшись клубочком под одеялом в Ежовой больнице, Лис Корнелий пытался придумать план незаметного побега из палаты. Все кругом спали, коридоры больницы освещались лишь забавными самодельными фонариками – в подвешенных к потолку бокалах, смазанных мармеладом, резвились сладёны-светлячки. Из кабинета в глубине коридора доносился звучный храп доктора Ежа. От него поскрипывали половицы, дрожали стёкла в окнах и позвякивали фарфоровые баночки, в которых медицинские сёстры хранили лекарства.

– Кокосы-абрикосы, – пробормотал Лис Корнелий, приоткрыв дверь своей палаты, – этот ёж храпит громче медведя! Вот и удобный момент, чтобы удрать, да поскорее.

Старейшина семейства Лис сбросил клетчатый халат, облачился в городской костюм и приступил к исполнению намеченного плана с твёрдым намерением довести его до конца. Он заранее оторвал своими острыми когтями кусок занавески, в который завязал оставшиеся от полдника булочки с корицей, свою настольную книгу «Приключения Кролика Арсена, похитителя моркови», написанную Белым Волком Морисом, любимое перо, маленькую чернильницу и несколько листочков, лежавших на комодe, и надел этот узелок на ручку своей трости.

– Надо торопиться, пока у меня не начался новый приступ; я не могу допустить, чтобы они попали в дурные лапы... – взволнованно прошептал он, связал простыни с наволочкой и туго привязал их к ножке шкафа, смастерив таким образом подобие верёвочной лестницы.

Перекинув связанные простыни через подоконник, старый лис вновь почувствовал противное головокружение, которое заставило его лечь в больницу. *«Проклятая башка, – подумал он, потирая свои уши, – клянусь своим книжным магазином, я не позволю, чтобы ты помешала мне исполнить свой долг!»* Цепляясь за узлы, осторожно переставляя лапы, Корнелий потихоньку спустился до самого основания сооружения из веток и листьев, в котором размещалась знаменитая клиника доктора Ежа Гиппократa.

В его семействе врачебное мастерство передавалось от отца к сыновьям и дочерям. Если кому-то из населявших лес зверей случалось по неосторожности отпилить ветку, на которой они сидели, или как следует не закрыть дверь своей норы, отправляясь на зимнюю спячку, и туда задувал ветер и заливал дождь, от которого намокали их носки, они всегда могли прийти сюда и подлечиться...

Над городком собирались тучи, предвещавшие проливной дождь и страшную грозу. Лис поправил шарф и плохо защищавший от холода шерстяной плащ и зашагал по дороге, над

которой уже вспыхивали первые молнии. Надо было торопиться – храп, сотрясавший тихие коридоры больницы, постепенно затих.

– Корнелий? – окликнул чей-то глухой голос со второго этажа. – Это вы там рычите, словно голодный тигр, или уже началась гроза? Вам нужен укол, чтобы заснуть?

– У меня всё в порядке, – ответил Лис с улицы. – Я сплю, как младенец!

– Я что-то плохо вас слышу, Корнелий... Пойдите, где же вы? Ох, да что же это такое!

Шум, долетевший до ушей старого лиса, не оставлял никаких сомнений – доктор Ёж свалился с кресла, опрокинув при этом всё, что находилось у него на столе: все медицинские справочники, чашку с остывшим какао, молоточек, которым он стучал по коленкам пациентов, проверяя их рефлексy. А Корнелий тем временем застегнул куртку на все пуговицы и молча устремился вперёд по тёмной дороге: ничто на свете – ни гроза, ни болезнь, ни даже угрызения совести – не могло остановить его.

К тому времени, когда лис тихонько вошёл в увитый глициниями домик, где жила семья его сына Жерве, он уже промок до нитки. Корнелий хотел было энергично встряхнуться, чтобы поскорее просушить свою шкуру, но решил, что не стоит вызывать ещё одну грозу, на этот раз в доме. Прежде всего он подошёл к стоявшему в гостиной огромному книжному шкафу, где, если ему не изменяла память, он кое-что прятал. Воспользовавшись бамбуковой стремянкой, лис дотянулся до самой верхней полки и нашёл то, что искал, за томами одного из его самых любимых собраний сочинений «Знаменитые лесные детективы», которые он сам столько раз переплетал. Стоило старому лису прикоснуться к обложке из грибной кожицы, как перед его глазами возникли слегка поблёкшие картины прошлой жизни, а в ушах зазвучали давно позабытые мелодии – будто в его голове включился граммофон и его было не остановить. Если бы в этот момент кто-то внимательно пригляделся к слезинке, набухшей в углу лисьего глаза, он бы разглядел в ней отражение хижины среди деревьев, прекрасной усадьбы на берегу озера, кувшины с лимонадом и блюда с имбирным печеньем, резвящихся детей и сердито журчащую бурную речку. Поскольку думать долго о том, что случилось, было порой очень больно, а может быть, и потому, что он так и не смог простить себе произошедшего, Корнелий развязал свой свёрток и поскорее положил в него новые сокровища, чтобы их созерцание не навело его на ненужные мысли. Тот, кому суждено когда-нибудь взять это в лапы, станет обладателем величайших богатств. Впрочем, насколько можно судить по приключенческим романам, каждое сокровище бывает и неизменно связано со страшным проклятием.

– Дедушка, это ты? – произнёс вдруг тоненький голосок за спиной старого лиса.

В дверях гостиной стоял прелестный лисёнок в большой, не по размеру, хлопчатобумажной пижаме, с тряпичной куклой в лапках. Конечно, его разбудила гроза, но, судя по тому, как слипались его глазёнки, малыш уже был готов снова заснуть.

– Тихо, тихо, мой большой мальчик, – ответил Корнелий и поднял лисёнка, стараясь не обращать внимания на новый приступ головокружения. – Ты же не хочешь разбудить папу и маму? Да и я не хочу. Знаешь, что папа может очень рассердиться, если ему не дадут как следует поспать...

– А что ты тут делаешь, дедушка? – спросил лисёнок, когда они пришли в его спальню. – Ты пришёл за книжкой? Тебе, наверное, скучно в Ежовой больнице?

– Я, наверное, просто очень соскучился по моему маленькому Арчибальду, и мне захотелось увидеть его мордочку перед сном и приласкать его, – шутливо проговорил Корнелий, разглаживая когтями подушку внука. – А если серьёзно, мой сладкий лисёнок, скажи мне, ты умеешь хранить тайны?

– Конечно! – ответил Арчибальд и высоко поднял лапку. – Клянусь тебе четырьмя орешками из моей копилки! У тебя всё в порядке, дедушка? Хочешь, я одолжу тебе деньги?

Корнелий, сидя на краю кровати, отчаянно старался побороть головную боль, отдававшую в кончик носа. У него оставалось не так много времени до того, как в его голове прогремит новый удар грома.

– В этом нет нужды, мой большой мальчик. Оставь себе всё, что сумел скопить. Я бы очень хотел, чтобы ты пообещал мне никому не рассказывать, что я приходил сюда сегодня ночью, хорошо? Пусть это будет наш с тобой секрет. Ты не должен говорить об этом ни с папой, ни с мамой. Ты понял?

– Обещаю, клянусь! Можешь мне до-о-о-верить, – произнёс малыш, широко зевая.

– А теперь надо спать. Только не забывай, Арчибальд, молчок! Рот на замке.

– Молчок, да, конечно... Спокойной ночи, дедушка...

– Спокойной ночи, мой большой мальчик, – прошептал Корнелий, и, прежде чем уйти, убедился, что светящаяся гнилушка, игравшая роль ночника, не погаснет в ближайшие минуты.

Он вышел и закрыл за собой дверь, крепко прижимая к сердцу свой узелок. Хозяин Книжного магазина думал обо всех потрясениях, которые могли вызвать эти простые листочки бумаги. Впрочем, он не унывал. Несмотря на холод и дождь, несмотря на боль, пульсировавшую в висках, словно в голове у него качался часовой маятник, старый лис делал то, что ему велел долг.

В ту ночь Корнелий постучал в двери четырёх домов и, воспользовавшись любезной помощью их обитателей, разделил своё сокровище на четыре части. С этого момента судьба этих четырёх зверей изменилась раз и навсегда. Тому, кто пожелал бы узнать всю правду об этой истории, о семье Лисов и о Книжном магазине Зелёного Бора, пришлось бы провести самое настоящее расследование. Когда на рассвете Корнелий вернулся в свою комнату, находившуюся в стволе дерева рядом с Книжным магазином, и почувствовал знакомый запах кожаных переплётов и натёртых воском деревянных полок, он не мог сдержать улыбку. Он понимал, что сегодня, может быть, он ложится спать в этой комнате в последний раз. Ночное приключение утомило его, и он с трудом написал последнюю записку, похлопал по крышке своего сундука, а потом улёгся на привычную подушку и провалился в сон, уже не думая ни о чём. Дождь за окном вскоре прекратился, а утром на безоблачном небе взошло солнце. Увы, буря, разразившаяся в ту ночь в голове старого лиса, навсегда захлопнула двери темницы, в которую погрузился его разум.

Взяться за перо

В наши дни в Зелёном Бору...

Сидя в своём удобном кресле с вышитой накидкой, Лис Арчибальд размышлял над тем, как лучше начать повествование. Дело было в воскресенье, солнце поднялось уже высоко. Однако листы бумаги на старом деревянном секретере оставались совершенно чистыми. Лис принялся – от запаха пирога с клубникой и ревенём, запекавшегося в духовке, его пасть наполнилась слюной. Ну что тут поделаешь! Ни один начинающий писатель не сможет написать больше двух-трёх строчек, если будет испытывать такой голод!

– Ох, дедуля! Интересно, одобрил бы ты скромные сочинения своего лисёнка? – вздохнул Арчибальд, устремив взгляд на висевший над книжным шкафом портрет своего предка.

История, которую намеревался написать Арчибальд, отличалась от других рассказов. Впрочем, именно поэтому он и решился взяться за перо. Несколькоми неделями раньше, в самом начале лета, владелец Книжного магазина покинул Зелёный Бор и отказался от привычного образа жизни, чтобы помочь своему другу Фердинанду, страдавшему болезнью Забвения, найти книгу его воспоминаний, ту самую, которую лис продал в своём магазине, не записав имени покупателя. Путешествуя по благоухающим лесным тропам, Лис и Крот побывали в невероятно красивых местах и встретили на своём пути удивительных животных, которые стали их друзьями, и все вместе они помогли Фердинанду достичь заветной цели. В конце этого невероятного приключения крот нашёл нечто большее, чем просто воспоминание: давно потерянного маленького сына, Крота Руссо, который теперь уже вырос и мог позаботиться об

отце. Они жили в чудесном домике на опушке Зелёного Бора, в том месте, где деревья уступали место роскошным лугам. Его жены Миры уже не было с ними, но они чувствовали её присутствие каждый раз, когда садились за стол выпить чаю и когда ходили гулять, а когда они засыпали, она приходила к ним во сне, как наяву, и от этого сны становились сладкими, как клубника с сахаром, но, увы, они и заканчивались так же быстро, как это лакомство...

– Ну вот что, Фердинанд, думаю, сегодня мне не удастся описать наше путешествие, – пробормотал лис, закрывая чернильницу и беря в лапу фотографию, на которой его друг был запечатлён вместе со своим сыном. – Мне бы очень хотелось воздать должное и вам, и вашей дорогой Мире. Но я словно слышу голос моего отца: *«Да как ты можешь помышлять о том, чтобы написать книгу? Ты не писатель, ты продавец книг в Зелёном Бору, и я доверил тебе благородное дело нашей семьи. Если ты думаешь, что кто-то когда-то заинтересуется книгой, которую напишет торговец, ты глубоко заблуждаешься!»* Ой, кто это? – вдруг воскликнул он, услышав стук в дверь.

Двери заведения, известного всему лесу под названием «Книжный магазин Зелёного Бора», к великой радости библиотечных крыс, а также мышей, лягушек, ланей, кабанов, лошадей, барсуков, хорьков и прочих любителей чтения, распахивались каждое утро. Только по воскресеньям магазин оставался закрытым, чтобы Арчибальд мог сходить за покупками, прогуляться и изучить книги, полученные в течение недели. Все в лесу знали это и редко стучали в дверь книжного магазина в выходной день. Впрочем, разве мог Арчибальд оставить без внимания чьё-то неожиданное желание прочесть новую книгу?

– Иду, иду! – крикнул он посетителю, который стал проявлять нетерпение и сильнее заколотил в дверь. – Вот и я, прошу прощения, что заставил вас ждать. Приветствую вас... Тут кто-то есть?

Увы, этот зверь был слишком маленького роста, чтобы лис мог увидеть его в прорезанном в двери окошечке, хотя он и просунул туда всю морду. Однако дрожащий голос посетителя и шум, производимый его рюкзаком из ореховой скорлупы, не оставляли никакого сомнения в том, кто именно пришёл.

– Честно говоря, я понятия не имею, где мы, что мы тут делаем, кому принадлежит эта облепленная крошками морда, но должен признать, что у вас в доме замечательно пахнет пирогом с клубникой и ревенём и кажется, с щепоткой... Нет, нет! – Он принял хался. – С двумя щепотками корицы, сливочным маслом и ... чуточкой соли.

– Вы удивительно точны, Фердинанд! Шишки-кочерыжки, как же я рад видеть вас, друг мой!

Перед входом, предназначенным для крупных зверей, стояли два крота в воскресных костюмах: в пиджаках с вышитыми на них инициалами владельцев и в галстуках-бабочках – и терпеливо ждали, когда их пригласят войти. Один из них, в клетчатом костюме, держался очень прямо и гордо. Второй сторбился, опираясь на палочку, и тянул вверх мордочку, упиваясь дивными ароматами, исходившими с кухни лиса. Не теряя ни минуты, Арчибальд откинул позолоченную цепочку, отодвинул засов и бросился обнимать Фердинанда. Тот был явно не в состоянии припомнить всего, что с ним происходило, но деликатно пожал плечами и воздел лапы к небу, отвечая на объятия друга, а потом оглянулся на сына, словно хотел ему сказать: *«Я не совсем понимаю, кто это, но, в любом случае, мне нравится, когда меня ласкают ...»*

Что же касается лиса, он просто сиял от счастья. Как же он скучал по своим друзьям!

– Я так погряз в своей писанине, что совсем забыл, что мы собирались встретиться за чашкой чая! Вот ведь куриная память!

– Вы знаете, с памятью всегда так: её надо поддерживать, – с серьёзным видом заявил Крот Фердинанд, дёргая лиса за локоть. – Надо тренироваться, очень помогает запоминать имена прохожих, с которыми ты встретился по пути. Кстати, не обижайтесь, друг мой, но... как Вас зовут?

– Ну, папа, – смущённо перебил его Руссо. – Ты же прекрасно знаешь, что это твой друг Арчибальд! Тот самый, с которым ты пережил столько приключений прошлым летом. Помнишь?

– Э... нет, – ответил крот, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Но должен вам сказать, есть кое-что, о чём я никогда не забываю! Это время полдника!

– Заходите же, мой милый Фердинанд, и ни о чём не беспокойтесь, – приободрил Арчибальд, заводя гостей в дом. – Всё зависит от нас, мы можем в любой момент отправиться на поиски новых приключений и создать новые общие воспоминания. Что вы на это скажете?

– Я скажу, что тот кусочек, который вы сейчас отрезаете, слишком маленький, господин Лис! Неприятно говорить вам об этом, но мне не хотелось бы, чтобы вам пришлось подавать мне пирог несколько раз...

Все присутствующие разразились громким хохотом. Удивительная это штука, болезнь Забвения: она лишает нас способности держать язык за зубами и не делать неуместные замечания. Впрочем, подобная нелюбезность вовсе не делала Фердинанда менее симпатичным и славным зверем. Он просто-напросто говорил вслух то, о чём остальные предпочитали думать про себя. А если учесть, что иногда, как, например, в этот прекрасный октябрьский вечер, указанное обстоятельство давало ему возможность получить кусок пирога побольше, то жаловаться кроту явно не приходилось!

– Я счастлив, что вы пришли, друзья мои. Я тут совсем расстроился по поводу своей книги. В жизни бы не подумал, что сочинять так трудно, – вздохнул лис, указывая на листки бумаги.

– А вы так и не расскажете нам, о чём собираетесь написать? – лукаво спросил Руссо, разливая чай.

– Пока нет, пока нет, это будет сюр...

Однако лису не удалось закончить фразу.

– Послушайте, это очень странно, – перебил его Фердинанд с набитым тортом ртом и указывал на портрет, висящий над книжным шкафом. – Этот господин мне кого-то напоминает. Это ваш родственник, господин Лиш? Я совершенно уверен, что где-то с ним встречался...

– Папа, нехорошо перебивать... – ласково заметил Руссо.

– Не беспокойся, Руссо, я ведь понимаю, что он не нарочно... Это портрет моего деда Корнелия, от него я унаследовал и магазин, и любовь к книгам! Конечно, вы могли встречаться с ним в юности, когда приходили сюда покупать книги. Кстати, мне сейчас пришло в голову... – пробормотал он, задумчиво приглаживая свои усы, – скорее всего, именно ему-то вы и доверили свои «Записки из-под земли». И, конечно, именно тогда вы с ним и встретились. Вы что-то вспоминаете, друг мой?

Но мысли Фердинанда, который к тому времени уже встал из-за стола, пошли по совершенно другому пути.

– Ну да, конечно, я шовсем не понимаю... Ну что, мы пойдем? Я уже закончил, и у меня что-то живот разболелся, – пожаловался он, повернувшись к сыну.

– Арчибалд, вы не обидитесь, если мы...

– Ну, конечно, нет. Солнце уже садится. Лето так быстро проходит...

Друзья обнялись, причём Фердинанд явно не понимал, зачем он это делает, но всё же не возражал.

– Я люблю приласкаться, мне это нравится, – повторял он, беря за лапу Руссо и откусывая очередной кусок торта, который выудил уже из своего кармана.

Арчибалд стоял у своего дерева и размахивал в знак прощания вышитой салфеткой, словно обещая им новую встречу за чашкой чая, пока гости не скрылись из виду. А потом, уютно расположившись в своём кресле и устремив взгляд на портрет, он задумался о тех далё-

ких временах, когда он, маленький лисёнок, ростом не выше трёх положенных друг на друга яблок, слушал рассказы своего деда-весельчака. Сможет ли он сам когда-нибудь с такой же лёгкостью сочинять истории, которые будут пробуждать воображение маленьких зверят? С этой мыслью сытый лис задремал.

Что же касается крота Фердинанда, то он, придя в свой домик, крепко уснул, но спустя несколько часов внезапно проснулся, словно от какого-то толчка. Он внезапно вспомнил тот день, когда встретил Лиса Корнелия. Перед тем как снова погрузиться в сон, крот дал себе слово, что на следующий день непременно расскажет обо всём своему другу. Но проснувшись утром окончательно, крот помнил лишь об одном: наконец-то настало время завтрака!

Господин Волк

Выйдя из парового омнибуса, Волк Селестен оказался в самой гуще праздничных осенних гуляний. Улицы Зелёного Бора были украшены корзинами с тыквами и вырезанными из них фигурами, а также разноцветными фонариками, свет которых с наступлением ночи напоминал свет звёзд. Торговцы выставляли в витринах своих магазинчиков целые композиции, представлявшие прелестные сценки из лесной жизни, где деревянные фигурки гордо восседали на красных в белую крапинку мухоморах, и перед ними толпились радостные звери. Местная газета уверенно провозгласила: нынешний осенний праздник станет самым красивым из всех, когда-либо отмечавшихся в Зелёном Бору. А семьдесят второй мэр городка, гордый представитель семейства Лесных Мышей, по имени Бонапарт, заявил, что считает это своей важнейшей задачей! Судя по ответам зверей, у которых Селестен спрашивал дорогу, книжный магазин должен был находиться на краю городка, вдалеке от шумных торговых улиц, рядом с тропинкой, ведущей к речке.

В это праздничное утро понедельника все силы Арчибальда были направлены на то, чтобы удовлетворить запросы многочисленных покупателей. Он, с трудом удерживая, нёс к кассе всё увеличивающуюся кипу книг по просьбе Квакши Анастасии. По дороге лис с ужасом успел подумать, что влажная, покрытая слизью шкурка этой земноводной покупательницы, пожалуй, не самое худшее, что может с ним случиться на этой неделе.

– Мне ква-а-ажется, что это сква-а-азочно интересная книга, – проскрипела Анастасия, следуя вперевалочку за хозяином книжного магазина.

– Прекрасно понимаю вас, – восторженно ответил Арчибальд. – «Воистину опасные связи» сочинения Дикобраза Бенедикта читать страшновато, но в них так и тянет погрузиться! Правда, я не очень уверен, что это слово тут подходит...

– Я доверяю сква-а-азанному вами, дядюшка Лис, – ответила квакша и тут же энергично взмахнула лапками: – Ах, квах-квах, мне ква-а-ажется, что эта книжка приклеилась к моим лаааапам!..

– Вот ведь неприятность! Позвольте, я помогу вам, Анастасия! Да-да, госпожа Сорока, прошу прощения, одну минуточку! Вот только положу эти книги... Господин Бобр, я к вашим услугам... Ох, ну и денёк!

Разрываясь на части в безуспешных попытках угодить сразу всем покупателям, лис потерял одновременно и самообладание, и равновесие: он упал, и, несмотря на все его усилия, книги, отобранные Анастасией, разлетелись в разные стороны, подобно стае птиц, и тяжело приземлились ему на живот. А ведь отец, Лис Жерве, предупреждал его: никогда не следует недооценивать вес слов!

– Мне ква-а-ажется, вы упали, Арчи-ба-а-альд, – заметила квакша, глядя на него своими красными глазками.

– Вы необыкновенно наблюдательны, дорогая Анастасия, – ответил лис и попытался подняться, а потом с отвращением посмотрел на свои лапы, вымазанные зеленоватой слизью со шкурки покупательницы. – Вы не будете возражать, если я на секундочку отойду привести себя в порядок?

– Мне кваа-а-ажется, что млекопитающие, если запа-а-ачкаются, обычно вылизываются?

– Вы правы, Анастасия, но я предпочитаю приберегать язык для более... изысканных пятен, например, от чая или пирожных. Одну минуточку, сударь, я сейчас вернусь, – проговорил он, услышав, как звякнул колокольчик над дверью для крупных зверей. Краем глаза он заметил весьма внушительный силуэт входящего в магазин покупателя.

В ту самую минуту, когда глаза Арчибальда встретились с блуждающим взглядом Волка Селестена, лис подумал, что этот покупатель действительно страстно любит литературу и хорошо разбирается в книгах. Может быть, это угадывалось по тому, как нежно он поглаживал корешки книг, или по тому, как он старался не повредить переплёт, снимая книги с полки, и всегда брал их сбоку за корешок, не пытаясь поддеть обложку. Вообще все жесты и движения этого крупного волка с длинными лапами были аккуратными и деликатными, и он относился к книгам с почти священным почтением. Тронутый таким поведением, лис поспешно умылся, вытерся и с радостной улыбкой бросился к достойному уважения покупателю.

– Добрый день, сударь, я рад приветствовать вас в моём магазине! Не думайте, я не единственный торговец книгами в нашей местности, у моих собратьев в Камушках и в Воздушных замках можно найти много интересного. Я сам с радостью роюсь на их полках, когда мне выпадает несколько свободных дней, и... Впрочем, я не знаю, может быть, вы там уже бывали... Вы у них бывали? Дело того стоит, – продолжал он, не дожидаясь ответа волка. – Однако я искренне надеюсь, что в нашем магазине вы сможете удовлетворить Вашу жажду открытий и найдёте здесь достойное пополнение для вашей домашней библиотеки. Я могу вам чем-то помочь? Что вас интересует – приключенческие романы или остросюжетные истории?..

Сам не понимая почему, Арчибальд чувствовал, что волнуется: с чего бы это вдруг он начал рассказывать о своём отпуске и подхватывать под локоть покупателя, которого видел впервые в жизни!

– Благодарю вас за тёплый приём, но, полагаю, тут уже набралось немало зверей, ожидающих вашего совета... – сдержанно и немного смущённо ответил волк.

– Шишки-кочерыжки! А я и забыл! Я вернусь к вам через пару минут. В дни осенних праздников ко мне приходит много покупателей, все хотят купить интересные книги, чтобы было что почитать зимой, сидя у горящего камина с чашечкой горячего шоколада с маршмел-

лоу! Иду, иду, госпожа Сорока! Сию минуту, господин Бобр! Нет, Анастасия, боюсь, у меня не хватит орешков, чтобы дать вам сдачу с жёлудя. К тому же ваш жёлудь немного испачкан слизью. Не могли бы Вы быть столь любезны и протереть его, прежде чем...

За целый день лис так и не сумел уделить время волку. Впрочем, тот прекрасно провёл время, рассматривая всё, что попадалось на глаза, открывая одну книгу за другой, и вовсе не обиделся на хозяина магазина, который ничего ему так и не посоветовал. В это время на улице проходили музыканты, направлявшиеся к мэрии, где вечером давали концерт. Они наигрывали прославлявшие реку песни, а скрипач исполнял изящные мелодии, под которые так любят порхать стрекозы. Лис подошёл к витрине магазина, в которой золотом отражались лучи заходящего солнца, и замахал лапами, приветствуя зверей из оркестра Дубравы – с тех пор как старый филин ушёл на покой, они давали самостоятельные концерты. *«Тяжёлый выдался денёк...»* – подумал Арчибальд. Конечно, в осенние праздники дела шли отлично, но как же он уставал! Оглядев опустевшие полки, лис даже захотел, чтобы Черепаха Финеас, частый посетитель его магазина и автор множества книг, посвящённых философским проблемам повседневной жизни, принёс какие-нибудь свои сочинения, которые он до сих пор отказывался принимать на продажу, а потом потрогал свой лоб, чтобы убедиться, что у него нет температуры.

Вскоре в помещении магазина не осталось никого, кроме волка, и тогда лис решил, что будет вполне уместно заговорить с ним и предложить на выбор несколько книг.

– Мне искренне жаль, что вы впервые оказались у меня в магазине в такой суматошный день. Я с лап сбился! Лис Арчибальд, к вашим услугам!

– Лис Арчибальд? – неуверенно переспросил волк, аккуратно откладывая в сторону книгу, которую листал. – А меня зовут Волк Селестен. У вас прекрасное заведение, – продол-

жал он, с удовольствием осматривая деревянные арки, цветочные украшения и полки, вырезанные прямо в стволе дерева. – Впервые вижу такой изысканный книжный магазин.

– Я польщен, благодарю вас! Вы у нас проездом? По-моему, мы раньше не встречались, а ведь Зелёный Бор – совсем небольшой городок. Мы тут все знаем друг друга! Узнаём соседей, если не по виду, то по запаху.

– Я приехал на осенние торжества, о которых мне много рассказывали. Сам родом из Звёздных гор, – продолжал Селестен, подойдя к висевшей на стене карте окрестностей и показывая на север. – Раньше в торговых рядах в моём городке была книжная лавка, но покупателей не было, и её пришлось закрыть.

– О, это такая трагедия, когда приходится закрывать книжный магазин... Присаживайтесь, – предложил лис, подводя волка к низенькому

столику. – Не хотите ли немного смородинового сока?

– Не откажусь! Благодарю вас, вы очень любезны. А этот магазин... он всегда принадлежал вашей семье? – спросил Селестен, пригубив сладкий напиток.

– Думаю, да, но мне трудно сказать, с какого времени. Дед не любил рассказывать о своей жизни, а теперь уже много лет вообще не может говорить. С тех самых пор, как его мозг пострадал после бури. В любом случае, мне повезло – лисёнком я часами сидел здесь, рассматривал книги, брал их почитать, а если понимал, что не хочу расставаться с какой-то из них, то забирал её навсегда. Замечательные воспоминания. А у вас тоже была возможность много читать в юности?

– Да, книги служили мне настоящим убежищем. В доме у нас порой бывало слишком шумно, а я в детстве был очень застенчивым волчонком. Мои родители очень много работали, а мой прадедушка часто и тяжело болел. Приключения пиратов, путешественников и волшебников помогали мне справиться с чувством одиночества. Литература открыла мне окно в другой мир. Самые лучшие книги я прочёл на чердаке или в комнате прадедушки. Иногда и не самые лучшие...

Внешне Волк Селестен вёл себя вполне благопристойно и любезно улыбался, но за его прекрасными манерами угадывалась злость. Его пасть расплывалась в любезной улыбке, но глаза метали грозные молнии. *«Как странно, – подумал Арчибальд, – он смотрит на меня так, словно в чём-то обвиняет... О, кажется, собрался уходить?»*

– Большое спасибо за радушный приём, – внезапно заявил Селестен, поднимаясь с кресла и разглаживая свой костюм. – Мне было очень приятно побывать в вашем магазине и побеседовать с вами. Прежде чем уйти, я хотел бы приобрести вот эту книгу. Вы позволите?

– Разумеется. Пойдёмте к кассе. Подумать только, а ведь я её не читал... Автор – ваша родственница?

– Не думаю, но мне стало интересно. Знаете, Арчибальд, я всегда мечтал быть хозяином книжного магазина, – признался волк.

– Желая, чтобы эта мечта сбылась, Селестен. Никогда не следует отчаиваться. Иногда мечты сбываются быстрее, чем можно себе представить.

Положив в ящик кассы четыре орешка – именно столько стоила выбранная Селестеном книга, *«Танец фиалок»* некой Волчицы Арабеллы, – Арчибальд вдруг почувствовал, что серый хищник что-то не договорил. К великому сожалению, интуиция его не обманула. И вскоре он убедился в этом.

Долг, дорогая моя, долг!

Лесной мышонок Бонапарт был самым мелким в семье, но, глядя на него, можно было сразу понять, что судьбой ему было суждено стать великим. Да, этому крошечному созданию ростом всего двадцать сантиметров предстояло совершить великие дела! Когда он решил выставить свою кандидатуру на муниципальных выборах в Зелёном Бору, над ним смеялись все родственники. Такой забавный мышонок, с хвостиком длиной всего пять сантиметров, с такими тоненькими ушками никак не мог стать мэром – это просто смешно! И тем не менее, благодаря своей бурной кампании, во время которой он ночами пёк печенье с мёдом и злаками, а днём раздавал их избирателям вместе с текстами своих речей, Бонапарт выиграл выборы с подавляющим перевесом. Это была сложная задача для маленькой и лёгонькой лесной мышки! В честь победы он купил себе такой высокий цилиндр, что ему приходилось снимать башмаки, чтобы войти в кабинет. Впервые в истории Зелёного Бора такой маленький зверёк занял такой важный пост. Крошка Бонапарт невероятно гордился своими достижениями. Любой житель деревни, независимо от роста, мог обратиться к нему за помощью. Именно поэтому, когда к нему пришёл огромный волк с острыми клыками и призвал его исполнить свой долг и восстановить давно поправленную справедливость, Бонапарт надел ленту, полагающуюся мэру во время официальных церемоний, начистил до блеска ботинки и приготовился к решительным действиям.

– Ох, гофподин мэр, куда же это вы собрались с утра пораньше, и даже миску каши не докуфали? – спросила его перепуганная мышь-песчанка Персефона.

– Я ухажу, чтобы исполнить свой долг! – провозгласил Бонапарт и при этом так резко обернулся, что сбил своей шляпой безделушки, расставленные на полочках.

– Фто, фто, гофподин мэр? Фто вы собираетесь исполнить?

– Долг, дорогая моя, долг! Вставайте же, поторопитесь, вы нужны мне для выполнения этой важнейшей задачи! Захватите мою подставку, все причиндалы и поспешите, народ ждать не будет!

– Конефно, конефно, сию минуточку, гофподин мэр! Уфэ иду! Подофдите! Гофподин мэ-э-эр! – прокричала Персефона, подхватывая обитую красной тканью табуретку и трибуну из тёмного дерева и с трудом волоча их к двери.

К этому времени достопочтенный мэр Бонапарт уже вышел на улицу и не прислушивался к причитаниям своей секретарши. Его крохотные ушки улавливали только голос народа, заявлявший, что настало время положить конец несправедливости и обману.

* * *

Арчибальд как раз посыпал шоколадной крошкой свои бутерброды с рапсовым маслом. Представьте себе его изумление, когда с улицы донёсся стук молотка, причём такой силы, что чашка с молоком подпрыгнула на столе. Кто мог устроить такой шум рано утром во вторник? Лис подбежал к окну кухни и попытался разглядеть нарушителя тишины. Вначале он ничего не увидел. Потом, присмотревшись повнимательнее, различил шляпу, которая, словно подчиняясь какой-то волшебной силе, двигалась сама по себе и при этом тащила за собой непонятный предмет мебели, размером гораздо больше её самой. «Какой-то странный зверь, – подумал он. – Кому в Зелёном Бору придёт в голову разгуливать в таком огромном головном уборе... Ах, да!» – сообразил он наконец. И решительно вышел из магазина.

Прямо перед витриной книжного магазина три мыши-полёвки, которых лис видел впервые в жизни, сколачивали деревянный помост, а Песчанка Персефона, с трудом балансируя на стремянке, украшала его алыми и золотыми флажками. Чуть поодаль уютно устроился среди сухих листьев под липой мэр Бонапарт. Мордочка его была перепачкана чернилами. Он внимательно перечитывал какой-то написанный на куске коры текст, прихлёбывал ромашково-кунжутный чай из кружки, куда то и дело обмакивал огромный кусок сыра, чем вызывал неподдельное отвращение прохожих.

– Послушайте, Бонапарт, что тут происходит? – крикнул Арчибальд, направляясь к народному избраннику.

Но не успел лис дойти до липы, под сенью которой завтракал достойный мэр, как к нему, пытаясь, словно поршневый мотор, путаясь в бесконечных нанизанных на многометровую верёвку флажках и ежеминутно рискуя споткнуться и разбить нос, бросилась песчанка Персефона, которая только что проворно спустилась со своей стремянки.

– Гофподин... уф, уф... Гофподин... уф, уф... Гофподин мэр сейчас занят, уф... Он сейчас в своём офисе, он отдыхает... уф, уф...

– Послушайте, Персефона... – начал было лис.

– Прошу прощения, для вас я госпожа Песчанка, – сухо перебила его секретарша, стараясь освободить лапку, запутавшуюся в узлах самого огромного клубка, который когда-либо доводилось видеть хозяину книжного магазина.

– Виноват, прошу извинить! Итак, госпожа Песчанка, Бонапарт вовсе не отдыхает у себя в офисе, он же сидит прямо позади вас и макает кусок сыра в... э-э-э... по-моему, в чашку с чаем.

– Это кунфут.

– Прошу прощения, что?..

– Кунфут.

– Ах, да, конечно, кун... Ну, в общем, в то, что вы сказали.

– Я фказала вам, что гофподин мэр сейчас занят. Он фтретится с фами, как только закончит составлять официальное заявление. А теперь, если фы позфолите, у меня ещё очень много дел! – с негодованием воскликнула песчанка и поспешила вскарабкаться обратно на стремянку.

Арчибальд почувствовал сильное раздражение: это внезапно появившееся сооружение, безусловно, не понравится покупателям. Впрочем, ему не пришлось долго ждать объяснений по поводу причины этого официального безобразия, потому что вскоре три мыши-полёвки укрепили на сцене трибуну, а перед ней установили самый большой рупор, который только можно было себе представить. На рупоре мелкими буквами была нанесена надпись: «Собственность Лесной мыши Бонапарта, мэра Зелёного Бора. Если вы найдёте этот рупор в общественном месте или в доме бесстыжей Крысы Шарлеманя, глупца мэра Воздушных замков, просьба вернуть в мэрию». К сцене подходили всё новые и новые звери, большие и маленькие, а лису, стоявшему в центре этой толпы, оставалось только размышлять: что за невероятное объявление собирается сделать мэр, почему ради него надо устраивать такое представление и, главное, зачем надо делать всё это прямо под окнами его магазина.

– Дамы и гофпода, – начала Песчанка Персефона и вздрогнула от звуков собственного голоса, усиленного рупором. – Кхм! Профу поприфетствовать самого великого... уф, фамого просфещённого мэра Зелёного Бора: гофподина Бонапарта, из семьи Лесных мышей! Профу вас, апплодифменты!

Как только Персефона освободила трибуну, из-за неё показался цилиндр, и по мере того как его обладатель поднимался по ступенькам стремянки, направляясь к рупору, этот цилиндр становился всё выше и выше. Позже некая ласка, стоявшая в первом ряду, клялась, что услы-

шала, как мэр спросил, куда подевались заказанные им музыканты, а песчанка, как запомнилось этой ласке, отвечала ему буквально следующее: «Цитирую: речи не может идти о том, чтобы талантливые муфканты оркестра Дубравы выступали так рано по прихоти какого-то ушастого тирана, кавычки закрываются».

– Дорогие сограждане, – наконец-то раздался пронзительный голос Лесной мыши Бонапарта. – И в особенности вы, господин Лис Арчибальд, сын Лиса Жерве, который, в свою очередь, приходится сыном Лису Корнелию, первому владельцу «Книжного магазина Зелёного Бора». Я хочу обратиться к вам с официальным заявлением. В соответствии с важнейшей информацией, переданной мне вчера вечером, я, к моему великому сожалению, вынужден попросить вас, Арчибальд, освободить занимаемое вами помещение раз и навсегда. Из полученных мною сведений следует, что семья Лис не является и никогда не являлась законными владельцами книжного магазина нашего замечательного городка...

Из толпы раздалась возгласы удивления; Арчибальд почувствовал, что лапы отказываются ему служить и, схватившись за сердце, рухнул на стоявшую сзади него деревянную скамью. Что имел в виду Бонапарт? Разве такое возможно?

– Дамы и господа, учитывая, что предоставленные мне документы о праве собственности после проверки в регистрационной палате и в мэрии Звёздных гор были признаны подлинными, хочу представить вам истинного владельца книжного магазина. Прошу любить и жаловать, господин Волк Селестен!

Арчибальд словно окаменел. Когда Селестен, держа в лапе своё свидетельство о праве собственности, поднялся на сцену, у лиса не нашлось сил, чтобы протестовать или попытаться оправдаться перед разгневанной толпой. Ему почему-то казалось, что он должен признать – Селестен не лжёт. Словно простой стакан смородинового сока, выпитый накануне в компании волка, убедил его, что он имеет дело с честным, хотя и безжалостным зверем, который не остановится ни перед чем, чтобы получить своё.

– Арчибальд, – спокойно продолжил мэр Бонапарт, сходя с трибуны, – поверьте, я искренне расстроен происходящим. Однако закон есть закон, и по закону выходит, что вы не имеете прав на помещение, которое вы и вся ваша семья так давно занимаете. Надеюсь, что родственники помогут вам разобраться в ситуации. Они хорошо знают, что случилось. А пока...

– Пока что? – повторил Арчибальд, поднимая голову.

– ... Пока что попрошу вас освободить принадлежащий мне книжный магазин! – резко вмешался Селестен, подходя поближе к лису. – Хочу довести до вашего сведения: всё, что находится на полках, на стеллажах, на этажерках и в кассе, принадлежит мне. Я дам вам несколько минут, Арчибальд, несколько минут, не более, чтобы Вы забрали свои вещи из комнаты, которая отныне становится моей спальней. И помните, что я поступаю с вами благородно, тогда как мне пришлось ждать тридцать лет, пока мне представилась возможность взять то, что принадлежит мне...

– Селестен, я...

– Что – вы, Арчибальд? – перебил его волк и, отвернувшись от лиса, стал принимать поздравления от жителей деревни, которые наперебой просили его рассказать им свою историю.

– Я... Я ничего не знал об этом... Мне крайне неприятно.

– Не хочу оскорбить вас, но ваши извинения меня не интересуют.

Арчибальд вышел из магазина, взяв с собой две любимые книги, зубную щётку и портрет деда, под негодующие крики зверей, которым он в своё время дал столько полезных советов и рекомендовал столько хороших книг. Сцену разобрали, толпа разошлась, и мэр Бонапарт отправился домой. Арчибальд сел под липой, в тени которой он часто отдыхал, с любовью оглядывая свой магазин, и задумался о том, как ему повезло, что он занимался таким заме-

чательным ремеслом. Через широкие окна магазина он бессильно наблюдал, как волк Селестен, надев его фартук, открыл двери и начал приветствовать покупателей. Прижав к груди свои скудные пожитки, лис уже собрался было отправиться к отцу, чтобы выпытать у него всю правду, как вдруг из-под рамы дедушкиного портрета выпал какой-то маленький предмет коричневого цвета. Это оказалась записная книжка, на первой странице которой красовалась выполненная изящными буквами надпись чёрной тушью:

«Мой дорогой малыш Арчи,

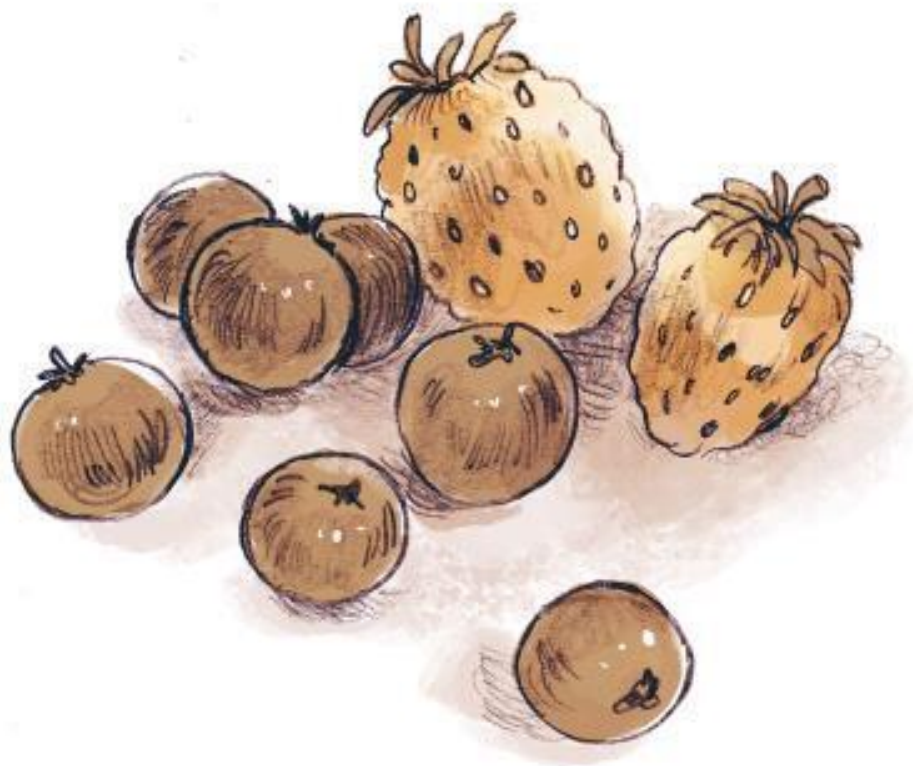
если ты нашёл эту тетрадь, это значит, что тебе предстоит узнать правду. Я описал историю моей молодости, и, поскольку я не хотел, чтобы моё прошлое стало известно какому-то незнакомцу, нашедшему эту тетрадку, я спрятал остальные четыре части в разных местах в деревне Зелёный Бор, выбранных по моему усмотрению. Боюсь, что найти их будет нелегко, но искренне верю, что тебе это удастся. А пока что я хотел бы рассказать тебе одну историю. Это история лиса, который был очень одинок, и поэтому ему нравилось придумывать себе друзей...»

Тетрадь № 1

Лис, который придумывал себе друзей

Я никогда не испытывал чувства одиночества, пока не повстречал Амбруаза и не понял, как это приятно – иметь друга, и как это страшно – потерять его. Я жил в маленькой хижине под сенью склонившихся деревьев, откуда мои родители однажды утром ушли и уже никогда не вернулись, и после их ухода меня навещали только жуки, забравшиеся ночью ко мне под подушку. Поначалу мне приходилось трудно: сидя в постели, я бесконечно страдал и представлял себе всё самое страшное. Куда могли деться мои родители, почему они не возвращаются? О том, чтобы пойти куда-то без них, не могло быть и речи. Кто знает, что может скрываться за тёмной стеной леса? Один день сменялся другим, я съел все наши припасы, не подумав о том, как они могли бы пригодиться мне, когда станет слишком холодно, чтобы искать пропитание на улице...

Однако в одно прекрасное утро – то ли потому, что я понял, что родители уже не вернуться, то ли просто потому, что мне пришло в голову, что еды в наших шкафах становится всё меньше и взяться ей неоткуда, – я решил выйти на улицу, чтобы собрать немного ягод. Я взял корзинку, спустился по верёвочной лестнице и отправился в страшный сумеречный лес, где я когда-то сделал свои первые шаги. В тот первый раз я набрал немного ягод, но заблудился, так что мне пришлось всю ночь бродить в поисках дороги домой. Такому маленькому лисёнку, как я, леса Звёздных гор казались чем-то огромным и пугающим, а с наступлением ночи каждое дерево представлялось чудовищем, покрытым листьями и корой. Я всё время представлял себе страшных великанов с перекошенными ртами, откуда сочились капли густого дымящегося сока. Стоило мне повернуться спиной к лесу, как моя шерсть вставала дыбом при мысли о том, как эти страшные полуживотные-полудеревья могут схватить меня за шею. Конечно же, всё это было лишь плодом воображения перепуганного лисёнка, которому каждый шорох, каждое движение казалось предвестником конца его коротенькой жизни. Наутро, когда вошло солнце, и я, весь всклоченный, облепленный листьями, которые служили мне постелью, и с полными лапами ежевики и земляники, нашёл наконец свою хижину, я посмеялся над собственной глупостью и порадовался тому, что впервые сумел проявить отвагу.

Сегодня мне уже очень трудно вспомнить, как выглядели мои родители, но я прекрасно помню, как мы проводили вечера на веранде перед хижинкой. Мы сворачивались клубочком в подвешенных к ветвям гамаках и читали вслух, наслаждаясь жареными зефирками. Нам нравились все книги: приключенческие романы, фантастические рассказы, от которых по коже пробежали мурашки, и даже энциклопедии с цветными картинками.

Сейчас, когда я уже состарился, а моя спина согнулась под тяжестью прожитых лет (и в значительно меньшей степени под бременем страха), я думаю, что мне, наверное, следовало бы поискать кого-то взрослого, осмелиться зайти подальше в лес, попытаться уйти с пустынной горы, на которой стояла наша хижина. Но вдруг мои родители вернулись бы? Забывшись под колючее одеяло, я смотрел на звёзды, пытаюсь найти среди них фигурки животных, и мне в голову не могло прийти, что никто и никогда не найдёт меня на этой горе – никто, кроме Амбруаза. Новых книг у меня не было, поговорить мне было не с кем, и тогда я начал сочинять собственные истории. Я мечтал научиться летать и перелететь через гору, чтобы найти моих родителей, поэтому написал историю голубя-путешественника по имени Ураган. Мне очень не хватало вкусной еды, которую готовила моя мама – и я описал невероятные приключения енота-полоскуна Половника, служившего поваром в большом ресторане и придумывавшего рецепты самых экзотических блюд. Из-под пера бедного, всеми покинутого лисёнка вышли также истории о приключениях мышки Лоретты, попугая Жанно, совы Алисы, бурого медведя Жюля и креветок Лизы и Жюстины. Я рисовал этих зверей на больших листах бумаги, потом описывал их так, словно бы они находились рядом со мной, сидели в кресле, пили чай, листали книги, лёжа в гамаке, или стояли у плиты и пекли пироги. В конце каждой истории герой обязательно встречался со мной. И все они оказывались добрыми и великодушными, все были готовы дарить мне свою любовь и составить мне компанию, которой мне так не хватало.

Когда в одно прекрасное утро Волк Амбруаз постучался в мою дверь и спросил, не хочу ли я поиграть с ним, я вначале подумал, что он тоже герой одной из моих историй и что я просто забыл, что придумал его. Но Амбруаз был самым настоящим зверем, зверем из плоти и шерсти. За почти два года одиночества я совсем одичал, и, когда он протянул мне лапу, я оскалился. Однако волчонок не испугался и пришёл на следующий день, а потом через день, и снова предложил мне поиграть. Однажды утром я проснулся голодный и вдруг почувал знакомый запах – Амбруаз возле моей хижины пёк что-то вкусное в нашей глиняной печи. Не знаю, от голода ли, от усталости или просто от того, что я больше не мог быть один, но в тот день я согласился попробовать протянутое мне печенье. Я не знал, что тем самым я скрепил дружбу со зверем, которому было суждено стать одним из самых главных персонажей моей жизни.

– Как тебя зовут? – спросил он, пока я с жадностью, как последний обжора, запихивал в рот одно печенье за другим. – Я Амбруаз, из благородного семейства Волков, мы уже много-о-о-о-го десятков лет живём в Звёздных горах, щенуля! Но если ты не хочешь мне сказать, как тебя зовут, не беда... Тогда я просто заберу своё печенье ...

– Корнелий, – поспешил я ответить, не прекращая жевать и тихонько придвигая к себе тарелку, чтобы он не забрал её.

– Рад познакомиться с тобой, щенуля! И что ты тут делаешь совсем один?

– Жду родителей.

– Может быть, пока ты ждёшь, пойдём к нам в гости, в нашу усадьбу? Ты мог бы пожить у нас несколько дней. А пока мы будем играть, мои родители попытаются найти твоих. Ну как?

– Я лучше останусь тут, – проворчал я. – Вдруг они придут и не найдут меня.

Амбруаз прислонился к ещё тёплой печке и на минутку задумался.

– У меня есть идея! Я прекрасно знаю свой адрес, ты можешь написать родителям записку, что предпочитаешь ждать их в усадьбе у Волков, и оставить её в домике. И тогда они просто придут за тобой. Что скажешь, щенуля, гениальная идея?

– Ну, не знаю ...

– Пока ты тут спал, я начал читать то, что ты написал, и... – сказал он и вдруг осмотрел мою хижину, словно бы что-то задумал.

– И что? – спросил я, разозлившись на то, что он без спроса взял мои сочинения.

– Тебе, наверное, было очень одиноко, Корнелий. Мне так тебя жаль!

И тут неожиданно самые горькие слёзы вырвались на свободу из глубины моих глаз, где я уже два года, словно в темнице, удерживал их вместе со всеми моими горестями и несбывшимися мечтами.

Потом я сложил в чемодан вещи, взял за лапу моего нового друга и ушёл из покосившейся хижины и из леса. Тогда мне казалось, что я уже никогда сюда не вернусь. Волчонок пообещал мне, что всё будет хорошо, и я никогда больше не останусь один.

Возвращение домой

Могло показаться, что кто-то нарочно решил спрятать домик под зарослями глицинии. Или кому-то пришло в голову устроить тайник под переплетением веток, лиан и золотой листвы и накинуть на него драгоценное покрывало осени. «*Так оно и есть...*» – подумал Арчибальд, подходя к домику, где прошло его детство, и размышляя о том, что это место и было его единственным настоящим домом. Документ, предъявленный Волком Селестеном, не оставлял ни малейших сомнений: семья Лис никогда по праву не владела Книжным магазином Зелёного Бора.

– Папа, мама, вы дома? Есть кто-нибудь? Шишки-кочерыжки, как же тут темно... – проворчал он, закрывая входную дверь.

– Арчибальд, это ты? – ответил ему мужской голос сверху. – Что ты тут делаешь? Сейчас же самое время работы магазина! Ты не заболел?

Лис Жерве, стоявший на площадке второго этажа, где он иногда тайком точил когти о перила, казался огромным и грозным. Впрочем, стоило ему спуститься, как стало видно, что

на самом деле это милейший немолодой лис и сейчас он с тревогой смотрел на сына. Бывший продавец книг, всю жизнь заботившийся о репутации своего магазина, никак не мог понять, по какой причине его наследник ушёл с капитанского мостика в разгар рабочего дня!

– Откуда это у нас в прихожей портрет дедушки Корнелия? – продолжал он, заметив вещи, сложенные возле входной двери. – И твоя зубная щётка? Да ещё и книги о путешественнике? Арчибальд, что случилось?

– Я надеялся, что ты мне расскажешь. Думаю, что происходящее связано вот с этим, – ответил младший лис, вынимая из кармана коричневую записную книжку и предъявляя её удивлённому Жерве. – Папа, ты знаешь, что это?

– Думаю, да, но мне казалось, что они все пропали. Пойдём, сядем, – сказал он, направляясь к кухне. – Я приготовлю нам всем горячий шоколад с зефирками. Это будет очень кстати...

* * *

С первого взгляда на гостиную семейства Лис становилось ясно, что её обстановка являлась результатом борьбы двух совершенно различных взглядов на жизнь: вкус Жерве, посвятившего всю свою жизнь торговле книгами, соперничал с куда более вольными идеями местной знаменитости Ариэллы, скульптора, выдающейся художницы и популярной певицы. Сама она, сидя на диване, ставила пометки в партитуре, то и дело пробуя пропеть что-то своим пронзительным голосом. Арчибальд, будучи предоставленным самому себе, ходил вокруг стола, нервно перечитывая отрывки из дневника дедушки, и остановился, только когда отец вошёл в комнату с блюдом сладостей.

– Ну, садись, зайчик мой, – ласково сказала Ариэлла и указала сыну на место рядом с собой. – Возьми чашечку шоколада, там чуть-чуть корицы. Хочешь, я напою тебе мелодию, которую сочинила сегодня утром, это поможет тебе расслабиться. Это ода горечи жизни, она пришла мне в голову совершенно неожиданно, внезапно, с бухты-барухты, когда я начала было есть грейпфрут, не посыпав его сахаром... И я ощутила а-а-а-а-а-а-х-а-а-а... Ха-а-а-а-а-а-а-ах!

– Может быть, попозже, мамочка... – перебил её Арчибальд, заметив, что отец вставляет в уши затычки из коры пробкового дуба. И только убедившись, что супруга не будет больше петь, быстро вытащил их.

– Бартоломео, – обратился Жерве к лисёнку, который тихонько читал возле книжного шкафа, – будь так любезен, пойдёшь к себе в комнату.

– Хорошо, дедушка! – ответил Бартоломео, стараясь, чтобы его голос звучал весело. – Пойду почитаю в комнате и плотно закрою дверь, чтобы не мешать вам шелестом страниц.

– Да ладно тебе, Барти, от книги шума немного! – воскликнул Арчибальд. – Я так рад тебя видеть. Как дела, что ты читаешь?

Малюсенький лисёнок в больших очках сидел на полу по-турецки и был совершенно поглощён книгой – ведь это был восьмой том из серии «Знаменитых лесных детективов». Книга была очень потрёпанной, казалось даже, что обложка вот-вот оторвётся от корешка. Никому, впрочем, и в голову не пришло бы ругать за это юного читателя. Сам Арчибальд, а когда-то давно и Жерве, часами читали и перечитывали рассказы о волнующих приключениях знаменитых детективов Зелёного Бора – Мышки Любознайки и Крысёнка Отмычкина. Крохотный рост не мешал этим следователям распутывать самые сложные загадки. Благодаря элементарной логике и способности пробираться в такие уголки, куда крупным зверям не удалось бы засунуть и кончик носа, Любознайка и Отмычкин неизменно выводили виновных на чистую воду. А преступникам, оказавшимся за решёткой, оставалось только проклинать судьбу, по воле которой их смогли поймать такие малыши. Стоит ли говорить, что невероятные расследования, сопровождавшиеся опасными приключениями, разгадкой тайн и неожиданными поворотами событий, всегда вызывают огромный интерес подрастающего поколения.

– Всё в полном порядке, дядя Арчибальд! Честно говоря, эту книгу я уже перечитываю. Я прочитал все двенадцать томов раза по три, не меньше! Не могу дождаться, когда выйдет последний том!

– Когда заглянешь в магазин, я посоветую тебе кое-что новенькое... Ах, нет, вообще-то... – вдруг опомнился Арчибальд.

– Не волнуйся, дядя, всё будет хорошо. Мышка Любознайка всегда говорит, что судьба улыбается отважным. А отваги нашей семье не занимать. Ладно, пока!

Лисёнок весело улыбался, но выглядел он тщедушным и совсем слабеньким. От его шагов по комнате не шевельнулись занавески, не поднялась ни одна пылинка с пола. «Надеюсь,

у него всё в порядке, – подумал Арчибальд, глядя, как племянник закрывает за собой дверь в комнату, где когда-то жил он сам. – *Уже год, как его родители уехали...*»

Но тут Арчибальд вспомнил о том, с чем он сюда пришёл, и повернулся к отцу, который с отсутствующим видом потягивал горячий шоколад с зефирками.

– Папа, почему Селестен утверждает, что книжный магазин принадлежит семье Волков?

– Я знаю только, что вся эта история началась примерно в то же время, когда было основано наше дело. Думаю, что давным-давно между твоим дедом и семейством Волков что-то произошло, но он никогда не рассказывал мне об этом. Он говорил, что раньше магазин принадлежал им, но потом, после какой-то ссоры, Волки больше и носа не показывали в Зелёном Бору. Во всяком случае, до сих пор. Мне бы и в голову не пришло, что в один прекрасный день кто-то из них явится сюда и заявит свои права.

– А почему они поссорились?

– Понятия не имею, – вздохнул Жерве, и глаза его наполнились слезами. – Я искренне надеялся, что этот момент никогда не настанет, но случилось то, что случилось. Мне надо поразмыслить обо всём. Вы не обидитесь, если я поднимусь и прилягу?

– Ну, конечно же, нет, папа, – успокоил его Арчибальд, понимая, что отец очень расстроен.

И пожилой лис, шаркая тапочками, медленно поднялся по лестнице.

– Я уверена, что ты найдёшь выход из положения, зайчик мой, – проворковала Ариэлла, поглаживая сына по морде. – Твой отец выглядит очень строгим и ответственным, но ты же знаешь, насколько он чувствителен...

– Хотел бы я что-нибудь сделать, мама, что-нибудь, что позволило бы нам найти правду и вернуть себе магазин, но я не знаю, откуда начинать поиски...

– Может быть, оттуда, откуда всё началось? – спросила мать, целуя сына в ухо. – Я пойду, Арчибальд, мне пришла в голову одна мысль относительно моей новой картины.

Обдумав материнский совет, лис одним глотком допил свой шоколад и отправился в зимний сад, расположенный в глубине дома. На уютной веранде, тишину которой нарушало лишь жужжание пчёл, он сначала услышал хриплое дыхание и неразборчивое бормотание, а потом увидел укутанного в шерстяное одеяло и погруженного в свои мысли старика в кресле на колёсах – Корнелий сидел точно в том же положении, в котором Арчибальд оставил его несколько недель назад. Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз произнёс осмысленную фразу. Но сегодня в кармане рабочего фартука Арчибальда лежал дневник старого лиса, и он надеялся, что это волшебным образом пробудит воспоминания деда.

– Дедушка, как дела, как ты себя чувствуешь? – осведомился Арчибальд, подсаживаясь к Корнелию.

В лучах заходящего солнца он увидел, как старый седой лис слегка приподнял голову.

– Я очень рад тебя видеть, – продолжал Арчибальд, глядя деда по плечу.

Корнелий, чьи глаза, казалось, были по-прежнему устремлены в прошлое, любезно улыбнулся, положил свою лапу на лапу внука и ответил надтреснутым голосом:

– Счастлив познакомиться с вами, господин Лис.

Братство мастеров пера

Буря, разразившаяся двадцать лет назад в голове Корнелия, полностью затмила его некогда светлый разум. Когда родственники нашли его наутро после побега из больницы, он сладко спал в своей постели в книжном магазине Зелёного Бора. Увы, проснувшись, лис стал совершенно другим, его словно подменили. Корнелий путался в пижаме и был неспособен произнести собственное имя, не знал, сколько ему лет и не мог ответить на вопрос, что бы ему хотелось съесть на завтрак. Хуже того, когда ему принесли любимые рулетики с корицей, шоколадом и апельсином, он не помнил, как именно их надо есть. После этой ночи Лиса Сильвестина, супруга Корнелия, по непонятной причине решительно отказалась ухаживать за ним. С тех пор Корнелий жил в домике Жерве и Ариэллы под сенью глициний, однако там находилось

лишь его тело, но никак не сердце и не рассудок. Все члены семьи приходили проведать его на заставленной цветами веранде зимнего сада, и, обнимая старика, каждый из них пытался понять, о чём он думает.

– Это я, дедушка, твой малыш Арчи. Я пришёл узнать, что у тебя новенького, а если ты хочешь, я бы тебе мог что-то показать.

– Арчи... – повторял старый лис. – Арчи...

– Да, правильно. Вот, смотри.

Арчибальд вынул из кармана тетрадку в обложке из кожицы гриба, в которой Корнелий когда-то описал историю своей жизни. Вспомнит ли он этот кусок своего прошлого, если он уже не узнаёт никого из близких? На этих страницах старик в подробностях рассказывал и об отчаянии, охватившем его, когда исчезли родители, и о радости от встречи с новым другом. Судя по тому как враждебно настроен Селестен, былая радость со временем превратилась в страшную злобу.

– Помнишь? Это твой дневник, ты спрятал его за своим портретом.

– Я не... Я помню, что... Тут, там, забыл. Я не помню... ничего не помню.

«*Всё бесполезно. Зачем тянуть за ниточку воспоминаний, если нет уверенности, что она не оборвана?*» – размышлял Арчибальд, ласково глядя утомлённого разговором деда по тёплой морде.

– Дядя Арчибальд, а можно мне посмотреть эту тетрадку? – раздался вдруг тоненький голосок.

Бартоломео, притаившийся за занавесками зимнего сада, молча наблюдал за происходящим, но в конце концов не выдержал.

– Ты тут прячешься, Барти?

– Я не хотел мешать вам, дядя Арчибальд. Я часто прихожу сюда навестить дедулю и вот подумал, что, может быть, смогу помочь тебе и сделать так, чтобы он всё вспомнил! И, к тому же, доктор говорит, что мне полезно проводить время на этой веранде. Я тут могу быть на солнышке и в то же время в тепле.

– Надеюсь, ты не забываешь принимать лекарства, Барти, это очень важно.

Лисёнок Бартоломео был непохож на своих сверстников. Его родители, Пимпренелла и Серафин, известные производители великолепных парчовых тканей, часто уезжали в далёкие путешествия в поисках новых материалов для своей работы, но сынишка не мог сопровождать их. С самого рождения его лёгкие были поражены какой-то непонятной болезнью, из-за которой лисёнок совершенно не переносил подъёмы в горы и очень мучился, если оказывался рядом с костром, на котором жарили овощи. После нескольких прерванных поездок и визитов к врачам Бартоломео сам пришёл к выводу, что ему будет лучше оставаться в домике под глициниями, и Жерве поддержал его. Родители знали – если их сын что-то решил, заставить его изменить это решение почти невозможно. Они согласились оставить его у бабушки с дедушкой, а сами отправились в новые путешествия. При этом они никогда не забывали об обещании, которое торжественно дали сыну перед отъездом: Бартоломео получал письма от своих родителей из каждого города, который они посещали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.